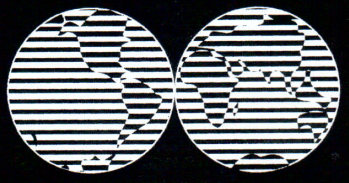
ISSN 0131-2227

Номер 2

Февраль 2015

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ



http://www.naukaran.ru

Китай – Россия: когда эмоции уместны? • Трансатлантическое торгово-экономическое партнерство • Глобальная конкурентоспособность обрабатывающей промышленности США • Центр-периферийные отношения в Европе: демографический аспект

“НАУКА”

Ежемесячный журнал **"Мировая экономика и международные отношения"** издается с 1957 г. Является ведущим мультидисциплинарным изданием в России и СНГ по актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам международной политики, мирохозяйственных связей, развития отдельных стран и регионов.

НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА

- тенденции мирового развития в начале тысячелетия
- теория и практика международных отношений
- проблемы безопасности, политика в сфере обороны
- глобализация и ее последствия
- интеграционные процессы
- инновации, научно-технический прогресс
- экономические и политические проблемы отдельных стран и регионов
- международный терроризм
- экологические вызовы
- политические и экономические преобразования в России в свете зарубежного опыта
- ситуация на постсоветском пространстве

НАША АУДИТОРИЯ

- исследователи-международники: экономисты, политологи, социологи, культурологи, экологи
- преподаватели, аспиранты и студенты профильных вузов
- руководители и сотрудники федеральных и региональных органов государственной власти
- руководители и аналитики банков, корпораций, крупных предприятий

НАШИ АВТОРЫ

- ведущие ученые ИМЭМО РАН
- исследователи из других российских академических и неакадемических НИИ международного профиля
- отраслевые аналитики и банковские специалисты
- преподаватели профильных вузов
- аспиранты
- представители органов законодательной и исполнительной власти РФ и государств СНГ
- зарубежные исследователи
- представители руководящих структур промышленных и финансовых компаний

В.

* * *

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Обращаем внимание наших авторов, что в связи с подготовкой к включению журнала "МЭ и МО" в международную базу данных библиографического описания и научного цитирования "Scopus", с 2014 г. существенно изменены правила оформления предоставляемых рукописей.
Главная цель изменений состоит в том, чтобы сделать основные положения и выводы публикуемых в журнале статей доступными для широкой зарубежной аудитории, не владеющей русским языком. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье и транслитерированный в латиницу список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системе "Scopus" и по содержанию и информативности должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора максимально тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их высокое качество.
Развернутые рекомендации по применению новых стандартов оформления статей можно найти на странице журнала на сайте **www.imemo.ru ("Информация для авторов").** Редакция вправе не рассматривать рукописи, не отвечающие перечисленным там требованиям.

Российская академия наук
Институт мировой экономики и международных отношений

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

№ 2 2015 Февраль

Контрольный экземпляр

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

БИБЛИОТЕКА НИУ ВШЭ СПБ
РК

Главный редактор
А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва),
Ю.А. Борко (Институт Европы, Москва), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва),
А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва),
Н.В. Загладин (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва),
С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Э.В. Кириченко (ИМЭМО, Москва),
Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), Ю.А. Красин (Институт социологии, Москва),
В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии Дальнего Востока, Владивосток),
Ли Юнцюань (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии
Китайской академии общественных наук, Китай),
Герхард Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия),
В.П. Оболенский (Институт экономики, ИМЭМО, Москва), Г.Ю. Ознобищева ("МЭ и МО", Москва
Г.М. Олевский (Латвийский государственный ун-т, Латвия),
Адам Даниэль Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов ("МЭ и МО", Москва),
Нобуо Симотомаи (Ун-т Хосей, Япония), Анжела Стент (Джорджтаунский ун-т, США),
Б.К. Султанов (Ун-т "Туран", Республика Казахстан), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва),
Шаолей Фэн (Школа международных и региональных исследований Восточно-Китайского
педагогического ун-та, Китай), К.К. Худолей (Санкт-Петербургский государственный ун-т,
Санкт-Петербург), С.В. Чебанов ("МЭ и МО", Москва), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83

Электронная почта: memojournal@mail.ru, memojournal@imemo.ru

Москва
Издательство "Наука"

© Российская академия наук, 2015
© Редколлегия журнала "Мировая экономика
и международные отношения" (составитель), 201

Russian Academy of Sciences
Institute of World Economy and International Relations

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS
(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

No. 2 2015 February

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 0131-2227

The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems and International Relations of the RAS

Editor-in-Chief
A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (Higher School of Economics, IMEMO, Moscow),
BARANOVSKII V. (IMEMO, Moscow), BORKO Y. (Institute of Europe, Moscow),
VOITOLOVSKII F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow),
ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), ZAGLADIN N. (IMEMO, Moscow),
IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg),
KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow),
KIRICHENKO E. (IMEMO, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow),
KRASIN Y. (Institute of Sociology, Moscow),
LARIN V. (Institute of History, Arheology and Ethnography of Far East, Vladivostok),
LI YUNGQUAN (Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia,
Chinese Academy of Social Sciences, PRC), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria)
OBOLENSKII V. (Institute of Economics, IMEMO, Moscow),
OZNOBISHCHEVA G. (MEMO Journal, Moscow), OLEVSKY G. (Latvian State University, Latvia),
ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A., (MEMO Journal, Moscow),
SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT Angela (Georgetown University, USA),
SULTANOV B. (Turan University, Republic of Kazakhstan), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow),
SHAOLEI F. (East China Pedagogical University, PRC),
KHUDOLEI K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg),
CHEBANOV S. (MEMO Journal, Moscow), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow).

Office Manager E. RUBTSOVA

Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
Tel.: +7-499-128-08-83

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow
NAUKA Publ.

© Russian Academy of Sciences, 2015
© Editorial Board of "MEMO Journal" (compiler), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2015

Мир в начале тысячелетия

Китай – Россия: когда эмоции уместны?
В. Михеев, В. Швыдко, С. Луконин 3

Экономика, экономическая теория

Трансатлантическое торгово-экономическое партнерство
П. Кадочников, М. Пташкина 14

Опыт территориальных мегапроектов в России и США
В. Батманова, А. Жуков, И. Митрофанова, И. Митрофанова 2

США: политика и общество

Глобальная конкурентоспособность обрабатывающей промышленности США
В. Варнавский 3

Развитие практик оценки эффективности управления: мировые тренды и опыт США
А. Хахунова 4

Европа: новые реалии

Центр-периферийные отношения в Европе: демографический аспект
М. Клупт 5

Приз без победы, победа без приза
И. Гришин 6

Четверть века после "бархатной революции": как живете, словаки?
Н. Коровицына 7

Латинская Америка: в поисках своего пути

Латинская Америка: прощание с зависимостью
В. Красильщиков 8

Политика и общество

Место и роль среднего класса в незападных обществах
А. Володин 9

Арктика: новый регион мировой политики

Трансарктика в контексте российских приоритетов
Е. Лабецкая 10

Точка зрения

Предмет экономической науки
Д. Егоров 11

Pro memoria

Бурджалов Феликс Эдуардович (1936–2014) 12

Вокруг книг

Социальный контекст интегрированных коммуникаций
О. Афанасьева 12

Вышли из печати 12

CONTENTS

No. 2, 2015

The World in the Beginning of Millennium

China – Russia: When Are Emotions Appropriate?
V. Mikheev, V. Shvydko, S. Llukonin 5

Economics, Economic Theory

Transatlantic Trade and Investment Partnership
P. Kadochnikov, M. Ptashkina 14

Russian and US Experience of Territorial Megaprojects
V. Batmanova, A. Zhukov, I. Mitrofanova, I. Mitrofanova 23

USA: Politics and Society

Global Competitiveness of the US Manufacturing
V. Varnavskii 34

The Development of Government Effectiveness Evaluation Practices: Global Trends and the Experience of the USA
A. Khakhunova 47

Europe: New Realities

Centre-Periphery Relations in Europe: Demographic Aspect
M. Klupt 58

Prize without Victory, Victory without Prize
I. Grishin 68

Quarter-Century after "Velvet Revolution": How Are You, Slovaks?
N. Korovitsyna 77

Latin America: in Search of Own Way

Latin America: Farewell to Dependency
V. Krasil'shchikov 85

Politics and Society

The Middle Classes in Non-Western Societies: Inner Dynamics and Self-Assertion Perspective
A. Volodin 95

Arctic: New Region of World Policy

The Trans-Arctic in the Context of Russian Priorities
E. Labetskaya 106

Point of View

Subject of Economic Science
D. Egorov 115

Pro memoria

Burdzhalov Feliks Eduardovich (1936–2014) 121

Around Books

Social Context of Integrated Communications
O. Afanas'eva 122

Recently Published 128

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, 2015, № 2, с. 122–127

ВОКРУГ КНИГ

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

© 2015 г. О. Афанасьева

ЕВСТАФЬЕВ Д. Интегрированные коммуникации как глобальная реальность XXI века. 500 тезисов об интегрированных коммуникациях. Москва, Э.РА, 2013, 650 с.

Рецензия поступила в редакцию 20.10.2014.

Существуют явления и понятия, выражающие самую суть переживаемой человечеством эпохи. Понятие интегрированных коммуникаций, которое вошло в обиход в последние полтора-два десятка лет, как нельзя лучше передает новое качество социальности, формирование которой к началу XXI века напрямую связывается с наступлением эры глобализации.

Уже по этой причине книга Дмитрия Евстафьева заслуживает внимательного прочтения и отклика. Тем более что автор, соединяя профессиональный опыт в сфере коммуникаций с солидным теоретическим кругозором, предлагает комплексное рассмотрение предмета в его политических, экономических, технологических и психологических измерениях.

Широта авторского подхода к затрагиваемым проблемам компенсирует некоторую "мозаичность" книги, которая признается и самим Д. Евстафьевым. Откликнуться на 500 тезисов в рамках журнальной рецензии в любом случае невозможно, поэтому представляется целесообразным сосредоточиться на главном, оставляя за рамками анализа специальные вопросы коммуникативистики. Главным же в книге, на мой взгляд, является вопрос о социальном контексте, которым обусловлено появление и развитие интегрированных коммуникаций и на состояние которого они, в свою очередь, оказывают существенное влияние.

В этом плане тезисы Д. Евстафьева вызывают особый интерес, хотя многие из них и представляются спорными. Интегрированными автор предлагает считать такие коммуникации, которые обладают следующими признаками: цифровой характер хранения информации, обусловливающий быстроту ее актуализации; мультимедийность коммуникаций; интерактивность и возможность синхронного обмена информацией (сс. 12-13, 35). Всеми указанными признаками обладают новейшие платформы онлайновых коммуникаций – так называемые *социальные сети*. Эти заочные, но интерактивные цифровые коммуникации множества, точнее, спонтанно пересекающихся множеств индивидов, автор называет воплощением индивидуалистического духа постмодерна (сс. 231-234).

Действительно, наличие таких быстрых массовых коммуникаций отличает сегодняшнюю эпоху от индустриального общества, становление и развитие которого принято связывать с Новым временем (модерном). Современные коммуникации характеризуются ярко выраженным персонализмом, хотя, как и в массовых коммуникациях предшествующих эпох, в них много вторичности и тиражированности. Притом *социальность* образующихся виртуальных сетей весьма условна, ограничена и, как показывает Д. Евстафьев, настолько противоречива, что впору говорить об их *асоциальности*. Об этом речь пойдет ниже, а здесь обратим внимание на весьма распространенное в литературе отождествление интегрированных коммуникаций с социальными сетями.

Сведение всего разнообразия интегрированных коммуникаций к социальным сетям вызывает вопросы. Да и склонный к такому истолкованию Д. Евстафьев, тем не менее, не проводит его вполне последовательно. В результате автор то включает в сферу интегрированных коммуникаций маркетинговые коммуникации и рассматривает экономическую логику их эволюции, то говорит исключительно о сетях и аккаунтах и рассуждает, напротив, о внеэкономической логике интегрированных коммуникаций.

АФАНАСЬЕВА Ольга Валентиновна, кандидат политических наук, доцент департамента интегрированных коммуникаций НИУ "Высшая школа экономики", директор Фонда правовых проблем федерализма и местного самоуправления, РФ, 109028 Москва, пер. Трехсвятительский, 8/2, стр.1(oafanasieva@hse.ru).

Значительный интерес представляет проведенный в книге анализ своего рода идеологии интегрированных коммуникаций, в которой отражаются ценности, проблемы и устремления так называемого нового среднего класса. Д. Евстафьев последовательно развенчивает связанные с этой идеологией мифы, в том числе о наступлении эпохи информационного равенства, сломе социальной иерархии и преобразующей роли "креативного класса" (сс. 192, 196-197, 324-325, 329, 544-591). В данном контексте не могу не согласиться с критикой автором излишеств самовыражения и виртуальной активности в сетях. Перманентный, зачастую агрессивный, сетевой активизм в лучшем случае выполняет компенсаторную функцию посредством создания иллюзий равенства с сильными мира сего или же демонстрации собственной персональной продвинутости либо фантомного социального протеста, а в худшем случае культивирует дискурсивную, ментальную и социальную безответственность.

Интегрированные коммуникации являются порождением "информационного общества" и порой рассматриваются едва ли не в качестве его главного достижения. Однако распространение интегрированных коммуникаций в маркетинге, пропаганде и вольных сетевых сообществах парадоксальным образом зачастую сопряжено с содержательной и эмоциональной примитивизацией человеческого общения. В этой связи Д. Евстафьев рассматривает такие феномены, как упрощение языка, снятие целого ряда лингвистических и этикетных норм, содержательное упрощение контента, ставка на иллюстративную визуализацию и девербализацию контента, "клиповое сознание" и эмоциональная отстраненность. Автор приходит к неутешительному выводу: "Мы фактически вынуждены говорить о содержательно деградантном характере системы интегрированных коммуникаций, по крайней мере, с точки зрения организации контента в современных интегрированных коммуникациях" (с. 406).

К сказанному следует добавить, что и политические, и корпоративные онлайн-коммуникации и сети, со всей их спонтанностью и интерактивностью, зачастую используются политическими кругами, бизнес-корпорациями и аффилированными с ними структурами, а также разного рода общественными активистами, ньюсмейкерами и просто шарлатанами в целях манипуляции общественным мнением и продвижения интересов, далеких от интересов общества.

Критика романтических иллюзий и негативных социальных эффектов, связанных с современными интегрированными коммуникациями, вполне оправдана. Д. Евстафьев критикует их ярко, изобретательно, но, увлекаясь, переносит свою критику с негативных тенденций на современные интегрированные коммуникации в целом. В конце книги он делает следующий вывод: "Феномен интегрированных коммуникаций, особенно сегмента интегрированных персональных коммуникаций заключается в том, что, будучи изначально продуктом стремления индивида к социализации, интегрированные коммуникации в настоящий момент приводят к нарастающей десоциализации как отдельных индивидов, так и общества в целом" (с. 628).

Процитированная оценка представляется излишне прямолинейной и преувеличенной. Рассматривать современные онлайновые коммуникации в качестве источника десоциализации означает вместо утешительного мифа об интегрированных коммуникациях создавать иной миф – устрашающий. Фетишизация плоха, но разве демонизация лучше? В порядке возражения на приведенную оценку современных интегрированных коммуникаций следует высказать, по меньшей мере, два аргумента.

Во-первых, человеческие коммуникации вообще и каждый исторический тип коммуникаций в частности являются своего рода полем, на котором возникают противоречивые явления, различаемые и определяемые нами как социализация и десоциализация. Человеческие коммуникации по определению амбивалентны. В то же время на протяжении всей истории человеческих цивилизаций доминируют односторонние оценки, изображающие те или иные типы коммуникаций либо в виде Прометеева огня, либо в виде ящика Пандоры. С этой точки зрения современные интегрированные коммуникации вполне укладываются в рамки привычных подходов.

Во-вторых, критика негативных сторон не должна игнорировать позитивные аспекты современных интегрированных коммуникаций, которые в гигантских масштабах расширили и ускорили информационный обмен, раздвинули границы гласности и обеспечили новое качество открытости и общественной подотчетности публичных институтов. Свобода, в том числе свобода информации, чревата злоупотреблениями и нуждается в правовых ограничениях. Бороться, однако, надо против злоупотреблений, а не против свободы. На смену современным интегрированным коммуникациям придут еще более сложные и совершенные. И на всех платформах и во всех форматах, как и прежде, придется противостоять

бессодержательности, примитивизму и распущенности.

Эта рецензия началась с утверждения, что интегрированные коммуникации отражают самую суть новой социальной эпохи. Чтобы понять, как это происходит, начать нужно с раскрытия понятий *интеграции* и *интегрированности* коммуникаций. Д. Евстафьев толкует интегрированность коммуникаций (коммуникационную интегрированность) как обретение коммуникациями ряда новых свойств. Для цифровых технологий – это "оцифрованность", мультимедийность, интерактивность, возможность синхронного обмена значительными объемами информации. Заметим, что такое толкование:

а) отличается от ранее представленного в литературе понимания *интегрированных маркетинговых коммуникаций* как соединения рекламы, связей с общественностью и маркетинга в единый комплекс коммуникаций по продвижению бренда корпорации;

б) отождествляет феномен интегрированных коммуникаций с появлением массовых онлайновых коммуникаций. При этом Д. Евстафьев особо подчеркивает достройку "классических" онлайн-платформ (форумов) новейшими онлайн-платформами (социальными сетями).

В чем следует согласиться с автором, так это в том, что интегрированные маркетинговые коммуникации представляют собой лишь частный случай гораздо более широкого явления современных интегрированных коммуникаций – их, так сказать, коммерческий сектор. Параллельно с маркетингом технологии интегрированных коммуникаций разрабатывались в сфере государственной пропаганды, политической конкуренции, шоу-бизнеса, масс-медиа и, наконец, сетевых персональных коммуникаций.

В то же время сведение общего понятия интегрированности коммуникаций к конкретному набору последних достижений информационно-коммуникационных технологий вряд ли можно считать оправданным. Подобная конкретизация понятия не помогает ни концептуализации феномена современной коммуникационной интегрированности, ни системному раскрытию социально-исторической логики развития человеческих коммуникаций.

Интеграция в самом широком смысле означает согласование взаимосвязей элементов, результатом которого является создание новой, более сложной целостности и дальнейшая гармонизация системы. В биологии под интеграцией понимается процесс упорядочения, согласования и объединения структур и функций в целостном организме, характерный для живых систем на каждом из уровней их организации. По аналогии и под явным влиянием этого функционально-организмического подхода классики культурной антропологии У. Самнер, Р. Бенедикт, Б. Малиновский трактовали интеграцию культурную как тенденцию (У. Самнер) и степень (Р. Бенедикт) внутренней согласованности культурных элементов в рамках тех или иных культур. Непреходящее значение имеют теоретические выводы Бронислава Малиновского: он рассматривал культуру как целостный "аппарат", посредством которого удовлетворяются самые разные потребности членов человеческого сообщества, и указывал на реализацию во всех культурах имманентно присущих им "интегративных потребностей"[1].

С помощью структурно-функционального подхода можно описать устройство, постичь целостность и ценность каждой человеческой культуры, однако трудно понять возникновение, изменение и разрушение культур. Для этого функционализм следует дополнить диалектическим, конфликтологическим, историческим методами и культурно-деятельностным подходом. Руководствуясь диалектическим методом, мы сможем обратить внимание на внутреннюю дифференциацию и специализацию элементов культуры и увидеть в них, наряду с интеграцией, один из важнейших факторов культурной динамики. Впрочем, позитивный характер и результат культурной динамики никогда не гарантирован. Дифференциация и специализация элементов культуры сопряжены с их обособлением, а это порождает всегдашнюю несогласованность, конфликтность, чревато отчуждением, антагонизмами, *etc*.

Фундаментальным образцом культурной интеграции и дифференциации в их диалектическом единстве и противоборстве является разделение труда, на котором основана человеческая цивилизация. Характерным образом при истолковании данного понятия социальная наука разделилась на два направления – теорию конфликта и теорию холизма, представленные классическими трудами Карла Маркса и Эмиля Дюркгейма соответственно. При этом холизм склонен переоценивать силу интегративных свойств человеческих сообществ и автоматизм их реализации, что хорошо видно по теории Э. Дюркгейма о переходе человечества от механической к органической солидарности.

[1] См.: Малиновский Б. *Научная теория культуры*. Пер. И.В. Утехина. 2-е изд. испр. Москва, ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2005.

В свою очередь теория конфликта при всем ее реализме во взгляде на человеческое общество не отвечает на вопрос, как возможно общество в качестве целостного объекта, то есть почему общество существовало, существует и как нам обеспечить его существование в будущем[2].

Очевидное соображение, что следует соединить конфликтологию с холизмом, на самом деле, мало что дает. Никакая диалектика не объясняет тайну культурных синтезов и разрывов. Общественное созидание и разрушение определяются не столько теориями, сколько практической деятельностью людей. Коллективный опыт и навыки этой деятельности аккумулируются в культурном капитале тех или иных сообществ, который может стимулировать либо затруднять дальнейшую культурную интеграцию.

Культурный капитал историчен, историческим должно быть и его осмысление. Исторический взгляд на известные нам культуры обнаруживает их генетическую разнородность. Генезис всех народов, стран и культурно-географических областей при внимательном рассмотрении оказывается связанным с интеграцией прежде разнородных человеческих коллективов и культур. Более того, именно на перекрестках миграций и колонизаций происходили культурные синтезы всемирно-исторического значения – формировались народы и культуры, определившие ход мировой истории. Их историческая роль, вероятно, связана с относительным богатством и продуктивностью культурного капитала, а он в свою очередь связан с разнообразием наследуемых культурных паттернов и успешной их интеграцией в более сложную и мощную полифоническую культуру.

Таким образом, разнообразие культурных паттернов, склонность и вкус к их комбинаторике, умение соединять, согласовывать, сознавать и созидать составляют тот культурный капитал, который необходим для культурного развития сообщества. Богатство же такого капитала прямо зависит от интенсивности культурных или, иначе говоря, информационных обменов. Тому есть множество исторических свидетельств[3]. В свою очередь современные экономисты убедительно доказывают, что именно информационные обмены – институциональные условия их доступности и их фактическая интенсивность – и составляют решающий фактор экономического развития. Джоэль Мокир представил убедительные доказательства этой гипотезы применительно к промышленной революции и генезису индустриального капитализма[4]. Нобелевские лауреаты Джордж Акерлоф, Джозеф Стиглиц, Михаэль Спен подчеркивают решающее значение информационных обменов и доступа к информации в современной экономике, которую принято называть постиндустриальной, инвестиционной и финансовой[5].

Уяснив обусловленность культурной интеграции интенсивностью информационных обменов, мы вплотную подошли к раскрытию социально-исторических причин и значения интеграции коммуникаций. *Коммуникации*, то есть практики и средства человеческого общения, являются совокупным ретранслятором культуры. Соответственно, интеграция разрозненных коммуникаций в комплексные коммуникационные системы составляет непременную сторону и необходимое условие культурной интеграции.

Следует подчеркнуть, что *интегрированные коммуникации* представляют собой отнюдь не новое явление – с ними связана вся история человечества. Египетские пирамиды, городские храмы и междугородние (международные) ярмарки – эти общеизвестные базовые элементы культурного наследия являются в то же время образцами интегрированных коммуникаций. Определившие эволюцию человечества *культурные синтезы* (под таковыми следует понимать качественные скачки в постепенном, разноскоростном и обратимом процессе культурной интеграции) всегда связаны с обретением нового качества интеграции коммуникаций.

Определение связи культурных синтезов с интегрированными коммуникациями помогает нам лучше понять роль *урбанизации* как решающего фактора развития человеческой цивилизации.

---

[2] См.: Коллинз Р. *Четыре социологических традиции.* Москва, Издательский дом “Территория будущего”, 2009.

[3] См., например: Карнейро Р.Л. *Теория происхождения государства. Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград, 2006; Мак-Нил У. *Восхождение Запада. История человеческого сообщества.* Киев–Москва, 2003; Нефедов С.А. *Факторный анализ исторического процесса. История Востока.* Москва, 2008; Яйленко В.П. *Греция и Восток.* Москва, 1989.

[4] Мокир Дж. *Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний*. Москва, 2012.

[5] См.: Georg A. Akerlof. *Behavioral Macroeconomics and Macroeconomic Behavior.* Prize Lecture, December 8, 2001. Available at: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2001/akerlof-lecture.html. Joseph E. Stiglitz. *Information and the Change in the Paradigm in Economics.* Prize Lecture, December 8, 2001. Available at: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2001/stiglitz-lecture.html. A. Michael Spence. *Signaling in Retrospect and the Informational Structure of Markets.* Prize Lecture, December 8, 2001. Available at: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2001/spence-lecture.html.

Само зарождение цивилизации, как известно, связано с возникновением городов, ставших центрами социального сосредоточения, сообщения и культурного развития. Базовыми платформами коммуникаций и культурных обменов стали городские храмы. В храмовых комплексах концентрировались и перераспределялись продукты и публичные услуги, которые производились людьми, приобретавшими все большую культурную и хозяйственную специализацию в общественной системе разделения труда. Там же, в храмах, из знаковых систем, выполнявших функции хозяйственного учета и религиозного культа, сформировалась письменность.

Таким образом, города стали многофункциональными "порталами" интегрированных коммуникаций: монетарной эмиссии и мены, хозяйственного управления и учета, объединяющих религиозных и политических ритуалов, сакральных, публичных и приватных письменных сообщений. При этом наиболее конкурентоспособные цивилизации возникали там, где культурно связанные и конкурировавшие друг с другом города образовывали цельные и внутренне дифференцированные культурные миры. Такие миры были бы невозможны без сети коммуникаций, то есть дорог, либо флота на водных путях, и почты. Почта – великая интегрированная коммуникация, соединившая в себе прокладку и поддержание дорог, устройство почтовых (ямских) станций, службу доставки и, конечно, сами письма, сформировавшие культуру эпистолярного общения. Отлаженная почтовая служба была важнейшим институтом всех мировых империй: Ассирийской, Китайской, Персидской, Римской и так далее.

Промышленная революция и переход к индустриальной цивилизации были сопряжены с переселением в быстро укрупнявшиеся и уплотнявшиеся города большинства населения в странах Западной Европы и Северной Америки. Этот процесс как раз и был назван "урбанизацией". Но не меньшее значение имела также транспортная революция, в результате которой города были связаны сетью железных дорог, что гигантски ускорило пассажирские, транспортные и почтовые сообщения. Последующее же развитие телеграфа и телефонных сетей приблизило цивилизованную часть человечества к мгновенной передаче информационных сообщений.

Во второй половине XX в. произошел очередной эпохальный сдвиг – уже не только большинство населения развитых стран, но и большинство человечества в целом стало жить в городах. Образ жизни рода людского стал напоминать муравейник – "человейник", по образному выражению Александра Зиновьева. Колоссальная концентрация человеческих коммуникаций в мировых мегаполисах и региональных городах, как и прежние качественные скачки урбанизации, уже сама по себе сопровождалась и усиливалась новой коммуникационной революцией – формированием новых интегрированных коммуникаций.

В конце 1980-х годов академик А.П. Ершов предложил рассматривать в качестве "критерия оценки информационного общества" совокупную пропускную способность каналов связи[6]. Этот подход позволяет выделить этапы становления "информационного общества". В США первый этап информатизации ознаменовался созданием надежной телефонной и радиосвязи (1930–1950 гг.). Второй этап связан с созданием надежной телекоммуникации и системной автоматизацией производства, логистики, транспорта – широким распространением ЭВМ в американских компаниях (1960–1980 гг.). Третий этап, начавшийся с 1990-х годов, определен рыночным освоением Интернета и космической связи, коммерческим использованием радиочастотного спектра, резким ускорением развития информационно насыщенных услуг (связи, торговли, финансов, досуга) и ИКТ. За последние полвека в промышленно развитых странах Запада пропускная способность сетей передачи информации возрастала в среднем примерно в 10 раз за десятилетие[7].

Сочетание концентрации абсолютного большинства людей в городах с ускоряющейся информатизацией социальной жизни обусловило принципиально новое состояние человечества: в конце XX – начале XXI в. возник *глобальный ИТ-связный город*. Беспрецедентная интенсификация коммуникаций и обменов в глобальном информатизированном "человейнике" означает взрывной рост числа сочетаний воль и стратегий индивидов *homosapiens*. Масштаб и скорость социальных изменений революционизируются.

Результатом перехода человечества в такое состояние (состояние постсовременности) является резкое обострение противоречия между растущей *индивидуализацией* человечества и растущей *связностью* человеческих индивидов. Люди в глобальном городе с его сложной системой разделения труда и социальных обменов выступают участниками множества отношений, ведут мно-

[6] Ершов А.П. Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества. *Коммунист,* 1988, № 2, сс. 82-92.

[7] Роговский Е.А. *США: информационное общество (экономика и политика).* Москва, 2008.

гоцелевые и разнообразные коммуникации, часто прибегают к услугам других людей и организаций, инвестируют, делегируют, информируют и получают информацию. Чем больше город, тем больше связей. Тем больше, следовательно, каждый человек зависит от других, от их решений и поведения. *Социальная опосредованность* человеческой жизни возрастает, при том, что *социальная среда* становится все более сложной, многообразной, изменчивой, одним словом, открытой. И ключевым фактором растущей социальной открытости выступает возрастающее число сочетаний воль, представлений и действий человеческих индивидов.

Расширенное воспроизводство социальных связей, инвестируемых ресурсов и делегируемых прав при возрастающем числе сочетаний индивидуальных стратегий и возрастающей скорости социальных изменений – вот, собственно, краткая формула постсовременности. При этом ключевым элементом указанной формулы выступают интегрированные коммуникации, посредством которых осуществляется как растущая социальная связность, так и взрывной рост индивидуальных стратегий.

Резюмируя, отметим: с интегрированными коммуникациями связаны новые возможности социально-культурной интеграции: расширение доступности и ускорение передачи увеличивающихся объемов информации; обеспечение транспарентности планов и действий всех субъектов социально значимой активности. В то же время с интегрированными коммуникациями связаны старые и новые социально-культурные угрозы: растущая неопределенность и ускорение социальной динамики; информационная асимметрия социальных субъектов и связанное с нею безответственное господство; ухудшающийся отбор в экономике; киберпреступность; разрушение института личной неприкосновенности; проблема информационного шума; перманентная борьба за внимание и девальвация культурных норм. Действительно, нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. Однако нужно понимать, что, осуществляя свои коммуникации, мы создаем наше общество. С этой точки зрения, книга Д. Евстафьева дает богатый материал для размышления по широкому кругу проблем, связанных со становлением и развитием современного информационного общества и его культуры.

SOCIAL CONTEXT OF INTEGRATED COMMUNICATIONS
[Review of the book: Evstaf'ev D. Integrated Communications as Global Reality of XXI Century. 500 Abstracts on Integrated Communications. Moscow, E.RA, 2013. 650 p. (In Russ.)]

(MEMO Journal, 2015, № 2, pp.122-127)

Received 20.10.2014.

AFANAS'EVA Ol'ga Valentinovna, NRU HSE, bld. 1, 8/2, Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 109028, Russian Federation (oafanasieva@hse.ru).

About author:

AFANAS'EVA Ol'ga Valentinovna, Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor, Director of Foundation.